

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ЯЗЫКЕ ЙОРУБА

О.А. Турбина, А.О. Ифатуроти

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Статья посвящена рассмотрению статуса и способов выражения категории определённости/неопределённости в языке йоруба. Авторы проводят сопоставительный анализ выражения категории определённости/неопределённости в языках разных типов: в языке йоруба, в русском языке и в нескольких европейских аналитических языках. Результаты анализа позволили сделать вывод о том, что категория определённости/неопределённости в языке йоруба на современном этапе его развития переживает стадию понятийно-грамматической метаморфозы, для которой характерно колебание узуса при выборе системой языка способов её оформления, сохранение лексического значения единицами языка с заметной тенденцией к закреплению за ними формальных показателей определённости/неопределённости и нерегулярность их употребления как актуализаторов имени существительного в речи.

Ключевые слова: грамматическая категория, понятийная категория, определённость, неопределённость, актуализация имени существительного, артикль.

Введение

Проблема классификации и выявления природы языковых категорий является одной из самых дискутируемых со времен Аристотеля. Между тем и в настоящее время исследователи часто колеблются при определении категориального статуса той или иной единицы в системе языка, что вызвано, как правило, двумя основными причинами:

- 1) смешением логических и языковых категорий и, как результат, – подменой одних другими;
- 2) нечетким представлением о типологии языковых категорий, провоцирующим ошибку при выявлении в том или ином языке парадигм понятийных и грамматических категорий [3, с. 4–5].

Определение статуса категории определённости/неопределённости в системе того или иного языка – является она понятийной, или грамматической – зависит от ряда факторов, главный из которых состоит в наличии или отсутствии в языке специальных формальных средств, получивших специализацию для обозначения данной категории, регулярно использующихся в этой функции и утративших прежнее собственное лексическое значение. В качестве «фоновых» факторов можно назвать прежде всего состояние и формы существования этнического языка, в частности: используется ли он наряду с устной в письменной форме, достиг ли стадии нормирования и кодификации в статусе национального литературного языка, представлены ли на данном языке произведения художественной литературы. Учёт всех этих факторов позволяет проследить процесс грамматического оформления категории определённости/неопределённости и определить стадию и характер её семизиса в системе языка.

Фундаментальный принцип языкового семи-

озиса состоит в том, что некое требующее выражения значение не может изобрести для себя соответствующий знак, но находит для себя такой знак в уже имеющейся семиологии, который может быть за ним закреплён (передан ему), не будучи созданным специально для данного значения. В силу наиважнейшего закона, которому подчиняется система языка – закона экономии – этот знак может принимать новое значение и функцию при условии потери прежнего значения и функции. Данный механизм осуществляется при движении из языка в речь и обратно, точнее – из речи в язык, так как все изменения в системе языка начинаются в речи и провоцируются речью [1, с. 75; 4, с. 61–62]. Поэтому первые признаки формирования грамматической категории наблюдаются в речи, причём в её повседневной устной форме, и зачастую воспринимаются наблюдающими их грамматистами-современниками как речевые отклонения от нормы и даже как ошибки [5, с. 21]. Именно расхождение реального речевого узуса и устоявшихся литературных норм, закреплённых в письменной речи и в языке художественной литературы, создаёт условия для затруднения при определении статуса категории в системе языка и выявления тенденций «обновления» грамматических норм.

Способы выражения определённости/неопределённости в языке йоруба

Язык йоруба входит в Нигеро-Конголезскую языковую макросемью. По типологическим характеристикам он относится к тональным языкам изолирующего типа. Йоруба широко распространён на территории западной Африки и существует во

многих диалектных разновидностях, на которых говорят более 20 миллионов человек [7, с. 14]. Наряду с английским языком и с языками хауса и игбо йоруба считается одним из четырех официальных языков Нигерии. На нём говорят также в республиках Того, Бенин, Гана и Сьерра-Леоне.

Статус категории определённости/неопределённости в языке йоруба вызывает спор среди лингвистов, занимающихся исследованием и описанием его грамматического строя, что свидетельствует о переживании данной категорией стадии понятийно-грамматической метаморфозы. Способы выражения данной категории имеют определённое сходство с её выражением в аналитических языках (таких, как, например, английский, французский и др.). В европейских аналитических языках с артикулированным именем генезис артиклей, представляющих грамматический способ выражения категории определённости/неопределённости, сходен в принципе: определённые артикли, как правило, происходят от указательных местоимений (англ. *the*; фр. *le, la, les*; нем. *der, die, das* и др.), а неопределённые – от числительного «один» (англ. *a*; фр. *un, une*; нем. *ein, eine*). На основании того, что в языке йоруба значение неопределённости часто выражается с помощью постпозитивного к имени/именной группе числительного *kan* (от *òkan*: рус. 'один'), а значение определённости посредством указательного местоимения *náà* (рус. 'том', 'та', 'то'), *yí* (рус. 'этом', 'та', 'то'), ряд англоязычных лингвистов, составлявших нормативные грамматики языка йоруба, использовали термины европейских грамматик, назвав *kan* и *náà* артиклями. Так, в языке йоруба была введена классификация форм артиклей: числительного *kan* (сокращённая форма от *òkan* 'один') как артикля неопределённого и указательного местоимения *náà* ('том', 'та', 'то') – как артикля определённого, несмотря на то, что вопрос о способах выражения категории определённости/неопределённости посредством артикля в йоруба является спорным [8, с. 52].

Согласно нормам языка йоруба, *náà* и *kan*, действительно, часто могут сопровождать в речи имя существительное/именную группу в постпозиции к нему для выражения значения определённости/неопределённости, например:

Èyìn ọ̀mọ̀dẹ̀, ọ̀rọ̀kan wà tí a fẹ̀ sọ̀ fún yín lónì – 'Дети, сегодня поговорим с вами кое о чём';

Ìwé náà wà lóri tàbilì – 'Книга лежит на столе';

Mo rí ọ̀mọ̀dẹ̀kùnrin kan – 'Я видел мальчика';

Àjàní ra ejò kan – 'Ajani убил змею';

Wọ̀n fún mí ní ọ̀sẹ̀ náà – 'Они дали мне мыло (а не ...)';

Adẹ̀kàyà rí bàliùù kan – 'Адекоя увидела самолет'.

Однако употребление демонстратива *náà* и числительного *kan* как актуализаторов имени существительного не является обязательным и регу-

лярным в отличие от употребления артиклей в английском, во французском или в других языках, где имя артикулировано. Кроме того, *náà* и *kan* в сочетании с именами существительными, как правило, сохраняют своё изначальное лексическое значение и выполняют при существительном функцию определения. О сохранении их лексического значения свидетельствует, в частности, тот факт, что актуализация имени/именной группы в функции дополнения происходит, как правило, без «артиклей», а при включении *náà* или *kan* общий смысл высказывания меняется. Например, в предложении:

Mo tu ikòkò tàbà 'Я курил трубку' – числительное *kan* при существительном (именной группе) *ikòkò tàbà* отсутствует, хотя в аналогичной ситуации в других языках (например, в английском) обязателен неопределённый артикль:

I smoked a pipe.

Сравним:

Mo tu ikòkò tàbà kan 'Я курил одну трубку (а не две)';

Mo tu ikòkò tàbà náà 'Я курил именно ту (а не эту) трубку.

Аналогичные смысловые изменения происходят в предложениях:

Ode ra eye 'Охотник убил птицу';

Ode ra eye kan 'Охотник убил одну птицу'.

Смысловые изменения может вносить также включение *náà* или *kan* в группу существительного, выполняющего функцию подлежащего. Сравним:

Ode ra eye 'Охотник убил птицу', но:

Ode náà ra eye 'Том охотник убил птицу'.

Заметим, что в предложении *Ode ra eye* значение определённости/неопределённости обоих имён существительных *ode* (охотник – подлежащее) и *eye* (птица – прямое дополнение) выявить затруднительно, так как в зависимости от контекста оно может меняться, то есть в данном предложении в некоем контекстном окружении оба существительных могут быть актуализированы, каждое, как с определённым, так и с неопределённым значением без структурных изменений. Однако с учётом того, что демонстратив *náà* гораздо чаще (практически регулярно) актуализирует имя существительное со значением определённости, чем числительное *kan* для сообщения имени значения неопределённости, можно предположить, что вне контекста в предложении *Ode ra eye* существительное *ode* в силу того, что при нём нет демонстратива *náà*, имеет значение неопределённости. А существительное *eye*, актуализированное в функции дополнения, не требует «артиклевого» сопровождения для сообщения ему значения определённости/неопределённости, поэтому включение в именную группу «артиклевого» определения уточняет семантический объём слова *eye*:

Ode ra eye kan 'Охотник убил одну птицу';
или:

Ode ra eye náà 'Охотник убил ту птицу'.

Следовательно, имена-дополнения в предложениях типа *Ode pa eye* вне контекста имеют по преимуществу значение определённости: *Охотник убил птицу (а не тигра)*, хотя возможны и иные варианты. Так, С. Джонсон [9, с. 37], утверждая, что числительное *kan* нельзя рассматривать как артикль, оправдывает своё мнение следующими примерами:

Àjàní joko lori aga – Àjàní sits on a chair;
'Аджани сидит на стуле'.

Сопоставляя фразу на йоруба с её переводом на английский язык, С. Джонсон полагает, что смысл фраз английской и йоруба идентичен и отличаются они только по структуре, а именно: по мнению С. Джонсона, именная группа *lori aga* (на стуле) имеет значение неопределённости, поскольку, во-первых, в английском переводе данной фразы существительное *chair* сопровождается неопределённым артиклем, а во-вторых, в именной группе *lori aga* отсутствует несущий определённую демонстратив *náà*. Однако полагаем, что в данном случае более уместным можно считать сравнение фразы йоруба с её русским аналогом: *Аджани сидит на стуле (а не на диване)*. Иными словами, в подобных случаях способ выражения категории определённости/неопределённости сходен в большей степени не с артиклевыми языками, а с русским языком, где данная категория имеет статус понятийной: не имеет закрепившихся в системе языка специальных форм для её выражения.

Сопоставим несколько примеров перевода фраз с йоруба на европейские артиклевые языки и на русский.

Актуализация имени существительного в функции подлежащего

Okùnrin kan wọ inú yàrà náà. Okùnrin yìí wọ aṣọ dúdú. – 'В комнату вошёл мужчина. Мужчина был в чёрном пальто'.

В первом предложении имя существительное *okùnrin* (мужчина) в функции подлежащего актуализировано со значением неопределённости, что подтверждает постпозитивный детерминатив-числительное *kan*. Во втором предложении имя-подлежащее *okùnrin* имеет значение определённости, о чём свидетельствует указательное местоимение *yìí* (этот). В русских аналогах этих предложений значение определённости/неопределённости выражается порядком слов, т. е. темарематическим членением:

В комнату вошёл мужчина (неопр.), но: Мужчина вошёл в комнату; или: Мужчина был в чёрном пальто (опред.).

Сравним:

Англ: *A man entered the room. The man was in a black coat.*

Фр: *Un homme est entré dans la pièce. L'homme était en manteau noir.*

Нем.: *Ein Mann betrat den Raum. Der Mann trug einen schwarzen Mantel.*

На первый взгляд, категория определённости/неопределённости имени-подлежащего в языке йоруба и в аналитических языках (английском, французском и немецком) выражается идентично, т. е. при помощи артикля. Однако то, что в йоруба наблюдается колебание узуса при выборе детерминатива – *náà* (том), или *yìí* (этот) – свидетельствует, во-первых, о сохранении лексического значения демонстративов *náà* и *yìí*, а во-вторых, о том, что выбор грамматической формы «определённого артикля», а следовательно – процесс грамматизации категории определённости/неопределённости в языке йоруба не завершён. Заметим, однако, что если значение определённости имени существительного более явно, для его выражения употребляется по преимуществу демонстратив *náà*, что указывает на его предрасположенность и тенденцию к закреплению системой языка в функции определённого артикля:

Okùnrin náà tó wọ inú yàrà wọ aṣọ dúdú. – 'Мужчина, который вошёл в комнату, был в чёрном пальто'. Сравним:

Англ.: *The man who entered the room was in a black coat.*

Фр.: *L'homme qui est entré dans la pièce était en manteau noir.*

Нем.: *Der Mann, der den Raum betrat, trug einen schwarzen Mantel.*

Актуализация имени существительного в функции дополнения

Употребление слова *kan* при имени-дополнении в качестве способа выражения значения неопределённости в языке йоруба факультативно:

Ó fún iyàwó rè l'èbùn. – 'Он подарил жене подарок'.

A ra okò kan. – 'Мы купили автомобиль'.

В первом примере именная группа *l'èbùn* ('подарок'; *l'* – сокращенная перед словом, начинающимся с гласного, форма предлога *li*) хотя и актуализирована с неопределённым значением, употреблена без *kan*. Во втором примере существительное *okò* (автомобиль) – с *kan*, эксплицитным значением неопределённости существительного.

Àwọn omọ ra òdòdó fún iyá wọn. Wọn kó àwọn òdòdó náà sínú àwo. – 'Дети подарили маме цветы. Они поставили цветы в вазу'.

В первом предложении имя-дополнение *òdòdó* ('цветы') с неопределённым значением детерминатива, указывающего на это (*kan*), не имеет. Во втором предложении значение определённости имени-дополнения выражено демонстративом: *òdòdó náà*.

Сравним:

Англ.: *Children gave mom flowers. They put the flowers in a vase.*

Фр.: *Les enfants ont donné des fleurs à maman. Ils ont mis les fleurs dans un vase.*

Нем.: *Die Kinder gaben Mama Blumen. Sie haben die Blumen in eine Vase gestellt.*

Здесь следует заметить, что в английском и немецком языках нет формы неопределённого артикля множественного числа. Точнее – в парадигме артиклей она обозначена грамматическим нулём, что вполне объяснимо и свидетельствует об «отставании», но главным образом – о трудностях для системы языка в поиске формы неопределённого артикля множественного числа: её зачастую негде взять, ибо исходное лексическое значение числительного 'один' исключает сему множественности, хотя в старофранцузском языке, когда формировалась парадигма артиклей, в позиции неопределённого артикля множественного числа мужского рода наблюдалось чередование форм *uns–un* для прямого падежа и *un–uns (des)* – для косвенного [2, с. 138]. Однако более частотная в старофранцузском форма от числительного *un–uns* в системе языка как форма неопределённого артикля множественного числа не закрепилась именно в силу своей семантики, уступив место менее распространённой в тот период форме *des*, этимология которой до конца не ясна и которая, возможно, была выбрана системой для заполнения «пустого» места в парадигме артиклей. Английский и немецкий языки, не найдя подходящего знака, «заполнили» данную позицию грамматическим нулём. Говорить о том, что система языка йоруба для позиции неопределённого артикля множественного числа, как английский и немецкий языки, выберет грамматический ноль, на наш взгляд, пока преждевременно, ибо о парадигме артиклей в современном йоруба говорить преждевременно в принципе. Не случайно для ряда лингвистов наблюдения за реальным узусом йоруба стали основанием придерживаться мнения о том, что в языке йоруба нет артиклей, а числительное *kan* и указательное местоимение *náà*, с помощью которых выражается категория определенности/неопределённости, являются адаптированными вариантами уже существующих элементов языка и их назвали артиклями по аналогии и только ради удобства грамматического описания [6, с. 52].

Выводы

1. Имя в функции подлежащего в языке йоруба более регулярно, чем имя-дополнение сопровождается детерминативами, указывающими на определенность/неопределённость.

2. Функция демонстратива *náà* как актуализатора имени существительного со значением определенности значительно более выражена, чем функция числительного *kan* как актуализатора значения неопределённости.

3. Грамматизация демонстратива *náà* как актуализатора имени существительного со значени-

ем определенности не завершилась, о чём свидетельствует колебание узуса, т. е. употребление в той же функции наряду с демонстративом *náà* (*tom, ta, te*) демонстратива *wònyí (yìí)* (*этот, эта, эти*).

4. О выраженной тенденции к грамматизации демонстратива *náà* как определённого артикля свидетельствует: а) высокая частотность его употребления в функции «протоартикля» при существительных со значением определенности не только в единственном, но и во множественном числе; б) более высокая по сравнению с демонстративом *wònyí (yìí)* частотность его употребления в функции «протоартикля».

5. Категория определенности/неопределённости в языке йоруба в настоящее время имеет статус понятийной категории, свидетельством чего является разнообразие средств её выражения, выявляющихся не на грамматическом, а на лексическом уровне системы языка: употребление не утративших своё лексическое значение демонстративов *náà, wònyí (yìí)* и числительного *kan*.

6. О процессе грамматизации категории определенности/неопределённости в языке йоруба свидетельствует: а) заметная частотность употребления в функции «протоартиклей» демонстратива *náà* и числительного *kan*; б) частичная утрата их лексического значения.

Литература

1. Гийом, Г. *Принципы теоретической лингвистики* / Г. Гийом. – М.: Издательская группа «Прогресс» «Культура», 1992. – 218 с.
2. Скрелина, Л.М. *История французского языка*. / Л.М. Скрелина, Л.А. Становая. – М.: «Высшая школа», 2001. – 463 с.
3. Турбина, О.А. *Отношения между языковыми и логическими категориями* / О.А. Турбина // Вестник ЮУрГУ Серия «Лингвистика». – 2004. – № 7(36). – Вып. 1. – С. 4–8.
4. Турбина, О.А. *Психосистематика языка и речевой деятельности. Курс лекций для студентов факультета лингвистики* / О.А. Турбина – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 84 с.
5. Фрей, А. *Грамматика ошибок* / А. Фрей. – М.: Изд-во «КомКнига», 2006. – 303 с.
6. Awobuluyi, Oladele. *Essentials of Yoruba Grammar* / Awobuluyi, Oladele. – Ibadan: University Press Limited, 1979.
7. Campbell, George L. *Yoruba. Compendium of the world's languages* / George L. Campbell. – London: Routledge, 1991.
8. Cohen, A. *Error correction and the training of language teachers. The Modern Language Journal*, 1975.
9. Johnson, S. *The history of the Yoruba from the earliest point to the beginning British protectorate* / S. Johnson. – Lagos: HE Press. ED, 2001.

Турбина Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, кафедра лингвистики и перевода, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), turbina371@mail.ru

Ифатуроти Адебойе Олувасеун, аспирант, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск).

Поступила в редакцию 25 февраля 2019 г.

DOI: 10.14529/ling200210

CATEGORY OF CERTAINTY / UNCERTAINTY IN THE YORUBA LANGUAGE

O.A. Turbina, turbina371@mail.ru

A.O. Ifaturoti

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article deals with the status and ways of expressing the category of certainty / uncertainty in the Yoruba language. The authors conduct a comparative analysis of the manifestation of the category of certainty / uncertainty in different types of languages: in Yoruba, Russian, and several European analytical languages. The results of the analysis allow us to conclude that the category of certainty / uncertainty in the Yoruba language at the present stage of its development is undergoing a stage of conceptual and grammatical metamorphosis, which is characterized by the fluctuation of its usage when the means of its manifestation in the language vary, the preservation of the lexical meaning by language units with a noticeable tendency to the consolidation of formal indicators of certainty / uncertainty and the irregularity of their use as noun actualizers in speech.

Keywords: grammatical category, conceptual category, certainty, uncertainty, actualization of the noun, article.

References

1. Giyom G. Printsipy teoreticheskoy lingvistiki [The Principles of Theoretical Linguistics]. Moscow, "Progress" "Kul'tura" Publ., 1992, 218 p.
2. Skrelina L.M., Stanovaya L.A. Istoriya frantsuzskogo yazyka. [The French Language History]. Moscow, "Vysshaya shkola", 2001, 463 p.
3. Turbina O.A. [Relations between Language and Logical Categories]. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2004, vol. 1, pp. 4–8. (in Russ.)
4. Turbina O.A. *Psikhosistematika yazyka i rechevoy deyatel'nosti. Kurs lektsiy dlya studentov fakul'teta lingvistiki* [Language Psychosystematic]. Chelyabinsk, South Ural St. Univ. Publ., 2007, 84 p.
5. Frey A. *Grammatika oshibok* [Mistakes Grammar]. Moscow, Izd-vo "KomKniga", 2006, 303 p.
6. Awobuluyi, Oladele. *Essentials of Yoruba Grammar*. Ibadan: University Press Limited. 1979.
7. Campbell, George L. *Yoruba. Compendium of the world's languages, 1474–1478*. London: Routledge, 1991.
8. Cohen, A. Error correction and the training of language teachers. *The Modern Language Journal*, 1975.
9. Johnson, S. *The history of the Yoruba from the earliest point to the beginning British protectorate*. Lagos: HE Press. ED. 2001

Olga Turbina, Doctor of Philology, Professor, Linguistics and Translation Department, South Ural State University (Chelyabinsk), turbina371@mail.ru

Ifaturoti Adebayo Oluwaseun, post-graduate student, South Ural State University (Chelyabinsk), deboye@hotmail.co.uk

Received 25 February 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Турбина, О.А. Категория определённости/неопределённости в языке йоруба / О.А. Турбина, А.О. Ифатуроти // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 55–59. DOI: 10.14529/ling200210

FOR CITATION

Turbina O.A., Ifaturoti A.O. Category of Certainty / Uncertainty in the Yoruba Language. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2020, vol. 17, no. 2, pp. 55–59. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling200210